

ОБРАЗ ПТИЦЫ УЛАР В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ТУВИНЦЕВ И НАРОДОВ ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ

¹А. С. Донгак, ²Б. Баярсайхан

¹Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований
при Правительстве Республики Тыва,

²Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований
при Правительстве Республики Тыва

Аннотация. Статья посвящена исследованию образа птицы *улар* (горная индейка, *Tetraogallus altaicus*) в традиционно-бытовой культуре тувинцев и западномонгольских народов (в том числе и этнических тувинцев Монголии). В работе впервые в научный оборот вводятся устные нарративы, мифологические сюжеты и народные поверья и запреты, связанные с данной птицей, бытующие в устной традиции как у тувинцев Республики Тыва, так и у монгольских народов. Материалами для написания статьи послужили научная и научно-популярная литература, полевые записи авторов, собранные в ходе экспедиций по Республике Тыва (г. Кызыл, Эрзинский кожуун, 2011) и Западной Монголии (Хяргас, Тургэн, Наранбулаг сомоны Увс аймака, 2013) и сведения из различных российских интернет-сайтов.

При проведении исследования авторами были применены методы полевого исследования при сборе и фиксации материалов (интервью, опрос), а также комплексный метод (изучение фольклора, языка, мифологии, этнографии как слагаемых традиционной культуры).

На основе анализа фольклорных источников и этнографической литературы авторы ставили своей целью выявление трех основных аспектов представлений о птице *улар*: *мифопоэтический образ улара* (включая этиологический миф об утраченном хвосте), *его роль* в народных представлениях как *сакральной птицы* – «любимицы духа-хозяина тайги» и *использование мяса улара* в традиционной медицине кочевников.

Актуальность темы статьи определяется необходимостью сохранения и введения в научный оборот исчезающих элементов традиционной культуры, фиксации устной истории, которая в условиях глобализации и утраты кочевых традиций стремительно уходит из живой памяти носителей. Изучение этноорнитологических представлений позволяет не только реконструировать отдельные фрагменты архаичного мировоззрения, но и понять механизмы формирования культурных кодов, в которых природные объекты наделяются сложной символической семантикой.

Новизна статьи заключается в том, что в ней впервые вводятся в научный оборот ранее не публиковавшиеся полевые материалы (нарративы, поверья), записанные от носителей традиционной культуры; предпринимается попытка комплексного анализа образа *улара* как многослойного культурного феномена, объединяющего мифологические, ритуальные и этномедицинские аспекты; рассматриваются архаичные военно-магические практики, связанные с мясом улара, реконструируемых на основе фольклорных источников.

Особое внимание уделяется уникальным поверьям, связанным с запретами на охоту, сокрытием факта употребления мяса, а также архаичным ритуалам (в том числе военно-магическим практикам освящения знамени и антропофагии), реконструируемым на основе нарративов, апеллирующих к эпохе Чингис-хана и маньчжурского владычества. Проводится параллель между фольклорными данными и сведениями из тибетской медицины о целебных свойствах *улара*. Авторы приходят к выводу, что образ *улара* в тувинской культуре представляет собой сложный семиотический комплекс, сочетающий орнитологические наблюдения, мифологическое мышление и эмпирические знания народной медицины, что позволяет рассматривать его как важный компонент этнической картины мира тувинцев.

Ключевые слова: улар (горная индейка), традиционная культура тувинцев и ойратских народов, фольклор, мифы, предания, устные рассказы-нарративы, представления, суеверья, поверья, народные методы врачевания средствами животного происхождения, мясо птицы улар

Для цитирования: Донгак А. С., Бадарч Б. Образ птицы улар в традиционной культуре тувинцев и народов Западной Монголии. *Эпосоведение*. 2026, 2(42), С. 92–104. <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2026-2-92-104>

Original article

The image of the ular bird in the traditional culture of the Tuvanians and the peoples of Western Mongolia

Antonina S. Dongak¹, Bayarsaikhan Badarch²

¹Tuvan Institute for Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva,

²Tuvan Institute for Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva

Abstract. The article examines the image of the bird ular (Altai snowcock, *Tetraogallus altaicus*) in the traditional everyday culture of Tuvans and Western Mongolian peoples (including ethnic Tuvans of Mongolia). For the first time, oral narratives, mythological plots, and folk beliefs associated with this bird and preserved in oral tradition among both the Tuvans of the Republic of Tuva and Mongolian peoples are introduced into scholarly circulation.

The study is based on academic and popular scientific literature, the authors' field notes collected during expeditions to the Republic of Tuva (Kyzyl, Erzin District, 2011) and Western Mongolia (Khyargas, Turgen, and Naranbulag sums of Uvs aimag, 2013), as well as information from various Russian internet sources.

The authors applied methods field study in collecting and documenting materials (interviews, surveys), as well as a complex approach involving the study of folklore, language, mythology, and ethnography as components of traditional culture.

The authors aimed, on the basis of an analysis of folklore sources and ethnographic literature, to identify three main aspects of representations of the ular: its mythopoetic image (including the etiological myth of its lost tail), its role in popular beliefs as a sacred bird – the “favorite of the spirit-master of taiga,” and the use of ular meat in the traditional medicine of nomads.

The relevance of the article's topic is determined by the need to preserve and introduce into scholarly circulation disappearing elements of traditional culture, as well as to document oral history, which is rapidly fading from the living memory of cultural bearers under conditions of globalization and the erosion of nomadic traditions.

The study of ethno-ornithological representations makes it possible not only to reconstruct certain fragments of archaic worldviews but also to understand the mechanisms through which cultural codes are formed, in which natural objects are endowed with complex symbolic semantics.

The novelty of the article lies in the introduction into scholarly circulation of previously unpublished field materials (narratives and beliefs) recorded from holders of traditional culture. The study attempts a comprehensive analysis of the image of the ular as a multilayered cultural phenomenon that integrates mythological, ritual, and ethno-medical aspects; it also examines archaic military-magical practices associated with ular meat, reconstructed on the basis of folklore sources.

Particular attention is paid to unique beliefs related to hunting taboos, the concealment of the fact of meat consumption, and archaic rituals (including military-magical practices of banner consecration and anthropophagy) reconstructed from narratives referring to the era of Chinggis Khan and Manchu rule. A parallel is drawn between folklore data and information from Tibetan medicine regarding the healing properties of the ular.

The authors conclude that the image of the ular in Tuvan culture represents a complex semiotic system combining ornithological observation, mythological thinking, and empirical knowledge of folk medicine, which allows it to be regarded as an important component of the ethnic worldview of the Tuvans.

Keywords: ular (Altai snowcock), traditional culture of Tuvans and Oirat peoples, folklore, myths, legends, oral narratives, beliefs, superstitions, folk methods of healing using animal-derived remedies, ular meat

For citation: Dongak, A. S., Badarch B. The image of the snowcock bird in the traditional culture of Tuvinians and the peoples of Western Mongolia. *Eposovedenie*. 2026, 2(42), pp. 92–104 (in Russian). <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2026-2-92-104>

Введение

Как известно, любые явления традиционно-бытовой культуры, будь то способы коллективного переживания, образ жизни, мировидение, историческая память, фольклор, литература, искусство, религия и т.п., как устойчивые признаки этнокультуры, могут представлять интерес для исследователей. И устные рассказы, нарративы о птице *улар* не являются исключением.

Изучение традиционно-бытовой культуры этносов, включающей комплекс представлений о природе, человеке и способах взаимодействия с окружающим миром, остается одним из приоритетных направлений современной этнографии и фольклористики. Как справедливо отмечали Ю. В. Бромлей и А. А. Воронов, именно традиционно-бытовая культура «несет основную этническую нагрузку, выполняет основные этнические функции и поэтому составляет ядро предметной области этнографической науки» (Бромлей, 1976: 5).

В этом контексте особый интерес представляет изучение народных знаний о животном мире, которые аккумулируют многовековой опыт наблюдений кочевых народов за фауной, мифологическое осмысление этих наблюдений и практические навыки использования животных ресурсов.

Тувинцы – коренной народ Саяно-Алтая и Внутренней Азии (Центральной Азии – по традиционному определению, принятой при советской этнографической науке), традиционное хозяйство которых было основано на кочевом скотоводстве в сочетании с охотой. Суровые природные условия горно-таежных и степных ландшафтов Тувы сформировали уникальный комплекс знаний о флоре и фауне региона. Особое место в этой системе знаний занимают птицы, которые в тувинской культуре наделялись сакральными свойствами, выступали в роли тотемов, вестников, объектов охотничьих культов и источников лечебных средств. Среди орнитофауны, почитаемой тувинцами, выделяется *улар* (горная индейка) – птица, обитающая в труднодоступных высокогорных районах на высотах до 3000-4000 метров.

Несмотря на то, что в научной орнитологической и этнографической литературе имеются отдельные упоминания об *уларе* (Даржа, 2009; Кенин-Лопсан, 2000; Баранов, 1991: 194–209; Бартан, 2004: 42) до настоящего времени отсутствует специальное исследование, посвященное комплексному анализу образа этой птицы в традиционной культуре тувинцев. В то же время фактический полевой материал авторов свидетельствует о существовании обширного пласта устных нарративов, поверий и ритуальных практик, связанных с *уларом*, которые до сих пор оставались вне поля зрения исследователей и не вводились в научный оборот. Сакральный ореол, окружающий эту птицу, запреты на упоминание о ней вслух, сложные ритуалы, связанные с употреблением ее мяса, – все это указывает на исключительную значимость *улара* в традиционном мировоззрении тувинцев и западномонгольских народов (другое научное определение: ойраты – дорбеты, баяты, торгуты, хотоны и этнические тувинцы Монголии).

Общее название горной куропатки – *улар* известно повсеместно, в разных языках звучит одинаково, птица обитает в основном в высокогорных регионах Евразии, начиная с гор Кавказа и до Китая и ее виды делятся на алтайский, гималайский, кавказский, каспийский и тибетский. Птица из семейства фазановых, которая в ходе эволюции адаптировалась обитать на высоте до 4000 метров над уровнем моря, вплоть до пояса вечных снегов, плотное бело-буро-серое оперение защищает их от низких температур и ветров, а мощные ноги позволяют легко передвигаться по крутым склонам. Длина тела птицы достигает от 50 до 72 см, а масса до 3,6 кг.

На высокогорьях Монгольского Алтая, улар обитает в скалистых местностях и питается, выкапывая глубокие корни растений. В среде ойратов (народов Западной Монголии – А. Д., Б. Б.)

известен как *Тэнгэрийн шувуу* «Небесная птица». Наблюдение за данным видом птицы затруднено ввиду его скрытного образа жизни; его присутствие в местности, именуемой монголами *хойлог* (*улар*), обычно устанавливается охотниками по характерному мелодичному пению¹.

Обитающая в горных местностях Тувы *улар* относится к алтайскому виду *улара* (лат. *Tetraogallus altaicus*), который «заселяет горные регионы Сибири, они живут не только в России, но и в Монголии, Китае, в Казахстане».

Согласно традиционным представлениям, данный пернатый, обладающий кровеносной системой, наделён значительными целебными свойствами, используемыми для терапии различных заболеваний и воспалительных процессов человека. На территории Монголии данный вид внесён в перечень особо охраняемых животных, регламентируемый законодательством.

Древние представления о лечебных свойствах мяса улара

Как и в культурах других народов, в этнокультуре тувинцев есть определенный пласт, называемый народной медициной, который отражает многовековой опыт и знания народа о различных методах врачевания средствами растительного и животного происхождения. Суровые условия горной тайги и степей Центральной Азии заставили тувинцев-кочевников выработать уникальные рецепты выживания и поддержания здоровья. Народные лекари веками накапливали знания о целебных свойствах местных растений (таких как золотой корень, шлемник байкальский), пантов марала, мумиё и продуктов жизнедеятельности животных. Изучение этого пласта знаний сегодня представляет большой интерес для фармакологии и поиска новых биологически активных веществ.

В народной среде тувинцев считается, что её мясо употребляют при различных болезнях желудочно-кишечного тракта, особенно онкологических. Мясо птицы обладает необыкновенными лечебными свойствами, потому что *улар* питается только редкими высокогорными, целебными, чистыми травами, выщипывает её, потому в его мясе сохраняются все свойства биологически активных веществ, входящих в состав этих трав.

Похожие представления бытуют и у западномонгольских народов, считающих этого пернатого наделённым значительными целебными свойствами, используемыми для терапии различных заболеваний и воспалительных процессов человека. На территории Монголии *улар* внесён в перечень особо охраняемых животных, регламентируемый законодательством.

Эмпирические сведения, граничащие с преданием, указывают на использование данного вида для продления человеческой жизни. В частности, зафиксирована практика периодов военных походов, когда воинам выдавался концентрат, приготовленный из муки ячменя, замешанной на бульоне из мяса птицы. Полученная смесь высушивалась, помещалась в кожаный мешочек из козлиной замши и носилась при себе. Предполагалось, что употребление этого снадобья способствует выздоровлению при ранениях или заболеваниях.

У монголов бытовала также легенда, отражающая веру в иммунные свойства мяса улара: в военных лагерях при вспышках инфекционных заболеваний проводился отбор воинов, употреблявших в пищу мясо этой птицы. Кровью отобранных лиц, по-видимому, предпринимались попытки лечения заболевших. Эти представления укоренены в монгольской традиции.

Традиционные знания, передаваемые предками, свидетельствуют о том, что все части данной птицы – от покровов и крови до внутренних органов, глаз и костных структур – обладают, как считается, высокой биоактивностью (монг. *шидэт увьдаст чанар*), способствующей лечению широкого спектра заболеваний человека, включая злокачественные новообразования. Существуют сведения, почерпнутые из древних текстов по тибетской медицине о том, что при разных болезнях в Тибете также применяли мясо, помёт и паленые перья *улара* (Атлас тибетской медицины, 291: 222–227).

¹ Хойлог шувууны байршил нутаг, тоо толгойн нарийвчилсан судалгаа хийжээ [Электронный ресурс]. URL: <https://montsame.mn/en/read/272726> (дата обращения: 13.02.2026)

Устные рассказы и поверья о птице улар в фольклоре тувинцев

По словам охотников, на территории Тувы птица *улар* распространена повсеместно в горах. До настоящего времени среди народа упоминания об *уларе*, окутаны завесой тайны, люди предпочтительно, вслух не говорят об этой птице. Возможно, из-за того, что существует просто запрет на охоту на них.

В тувинском фольклоре бывовал **миф** о птице улар: «Это происходило в глубокой древности. У горной птицы *улар* самым особенным и красивым был – его большой и роскошный хвост. Тот, кто из живых существ видел его хвост, всегда любовался, завидовал и восхищался им.

Однажды улару повстречался павлин, обитавший в тех же местах и говорит:

– Ой, выручи меня, пожалуйста! Пригласили на свадьбу, дай мне на время (поносить) твой хвост. Как только свадьба закончится, то сразу верну.

Доверчивый улар, что делать, отдал свой большой хвост павлину на время. Павлин же, получив красивый хвост, тут же улетел в далекие жаркие страны и остался там.

Улар, думая о своем отданном на время павлину хвосте: «Когда же павлин вернет мне мой хвост?» так и не дождался. Поэтому улар, взлетев на высокие горы:

– Павлин! Верни мне мой хвост! – так протяжным голосом взывая, все кричит» (Арапчор, 1995: 83–84).

Авторы рассматривают этот мифологический сюжет не только как объяснение природных особенностей, но и как нарратив, воплощающий важные для традиционного сознания темы доверия, обмана и несправедливости. Тема статьи вносит вклад в изучение тувинской этно-орнитологии и мифологии, раскрывая механизмы формирования культурных кодов через образы животного мира.

В частности, с древности до настоящего времени в традиционной культуре тувинцев мифопоэтический образ птицы *улар* обрисовывается таким образом: «Улар – горная куропатка, очень красивая птица, быстрая и проворная, **любимая птица духа-хозяин тайги**, похожая на утку, обитает высоко в горах (например, на скалах в верховьях реки Эрзин (Юго-Восточная Тува, граничащая с Завхан и Хубсугул аймаками Монголии) и Монгун-Тайге (южная часть Тувы, тоже граничит с северо-западом Монголии), там, где вечная мерзлота) и эта птица почти никогда не спускается ниже своих скал, мясо её лечебное».

Уларов можно смело назвать охранниками парнокопытных. В местах широкого обитания этих птиц, охотники не ставят цели подстрелить, поскольку их больше интересуют более крупные животные – козы, архары и др. Однако, эти чуткие птицы быстро замечают опасность и оповещают всех о ее приближении. Понятно, что козлы и архары не станут ждать, когда охотник соизволит достать ружье. Из-за этого, очень часто, достается птицам; самки обычно очень молчаливы; этих птиц можно услышать, но вот увидеть их почти невозможно².

Эти вышеизложенные научные данные подтверждаются сведениями от современных информантов-тувинцев: «Охотники говорят, что при передвижении с одного места на другое, сначала перемещается (проходит) целая отара диких горных козлов, а за ними идут стая горных куропаток – *уларов*. Так они питаются остатками травы, которую выщипали козероги. Говорят, этих птиц можно услышать, но вот увидеть их практически не получится. В древности, когда спрашивали, “Ты когда-нибудь слышал голос птицы улар?”, если отвечали “Да, слышал”, то этому человеку отрезали уши, а на вопрос “Ты когда-нибудь видел птицу улар?”, если последовал ответ: “Да, видел”, то этому человеку ослепляли глаза. А если спрашивали: “Ел ли мясо этой птицы?”, то если отвечали “Да, ел”, то этого человека убивали и его мясо высушивали (*хенмелеп алып* – подвергали вялению). Её пение (крик) напоминает ржание лошади, и если кто

² Улар птица: описание, особенности, образ жизни и среда обитания [Электронный ресурс]. URL: <https://givnost.ru/ular-ptitsa-opisanie-osobennosti-obraz-zhizni-i-sreda-obitaniya/>.ru (дата обращения: 13.02.2026)

услышит крик *улара*, то у этого человека *хей-аът* (будд. воздух-конь (конь Ветра) – дух, аура) – А. Д., Б. Б.) возвышается. Так мой брат говорил...»³

В современный период данные свойства стали объектом научного исследования. Существуют научные труды, подтверждающие эти традиционные знания. В частности, в работе монгольского ученого, доктора медицинских наук Г. Зорига «Алтайн Хойлог судлал ба түүний бүтэцийн шимт ойллого» (Исследование алтайской птицы Хойлог и целебные свойства её состава) представлены данные, обосновывающие наличие в компонентах крови данной птицы до 104 видов природных соединений растительного происхождения, обладающих терапевтическим потенциалом (Зориг, 1989: 12).

Устные рассказы, поверья, обряды, связанные с уларом

Во время полевой работы нами записаны варианты устных рассказов об этой птице, содержание которых апеллирует к древним временам. Например, укоренились поверья, что во времена Чингис-хана мясо птицы *улар*, высушивали, а потом растирали в порошок или же резали на самые маленькие кусочки и раздавали воинам, которые употребляли после ранения для скорейшего заживления ран. Поверья гласили также, что мясо *улара* чрезвычайно поднимает боевой дух, боевой настрой воинов. Видимо, действовало как тонизирующее средство, т. к. те, кто когда-либо попробовал это мясо, то он становится таким смелым и бесстрашным.

Во время полевой работы в Западной Монголии нами также зафиксированы похожие сведения об уларе: «Мясо улара дорбеты⁴ считают целебным при многих недугах. Оно помогает при раке желудка, язве двенадцатиперстной кишки, мокнущих, гнойных и воспалительных ранах, болезнях легких, сердца и почек, а также для укрепления иммунитета. Улар обитает в Алтайских горах, на хребтах и склонах священных заповедных вершин, питаясь различными целебными травами.

Птица эта очень быстро бежит в гору, сделав несколько шагов, взлетает. Зимой нередко можно увидеть стаи уларов, прилетающих на окраины чабанских стоянок, к местам зимних стойбищ овец.

С древних времен у монгольского народа существовал почитаемый обычай: перед тем как добыть эту птицу, люди совершали обряд умиловивления – обращались к небу, горам, просили разрешения и только потом охотились. Некоторые даже произносили "Алтай хайлах" восхваление Алтаю⁵. Говорят, что это птица великих шаманов и лекарей. Люди с желудочными болезнями пили ее кровь, ели мясо понемногу. Также как говорят, болезнь отступает, если выпить отвар из желудка улара».

Сохранилось **предание** об одиноком сыне родителей: «Говорят, это случилось во времена западных походов Чингисхана. В местности, которая ныне относится к сомону Тургэн Убсунурского аймака (территория Западной Монголии – А. Д., Б. Б.), жил старик-охотник со своей старухой и единственным сыном. Так как старик был охотником и хорошо знал природу, воду и травы, он время от времени давал своему сыну есть мясо улара. Сын вырос здоровым и крепким, поступил на ханскую службу и стал воином. Когда большое войско старшего сына Чингисхана, Джучи, перевалило через Алтайский хребет, направляясь в завоевательный поход на запад, в том походе участвовал и тот юный воин-богатырь. Он храбро сражался, показал себя отличным и ловким воином и снискал себе славу и почет.

Но во время великого похода Джучи его воины внезапно заболели: их поразила какая-то неведомая мокнущая рана, тело распухало, и воины начали умирать один за другим.

³ Информантка Ховалыг Амира Викторовна, 1971 г.р., санаторий-профилакторий «Серебрянка», апрель 2021 г., запись А.С. Донгак.

⁴ Дорбеты – одна из этнических групп ойратских народов Западной Монголии

⁵ Восхваление Алтаю – жанр обрядовой поэзии монгольских народов, благопожелание, сакральное обращение к духам-хозяевам местности, Алтайских гор с просьбой о покровительстве, исполняемое сказителями перед тем как отправиться на охоту.

Лекарства не было, и никто не знал, как лечить этот недуг. Тогда полководец призвал знаменитого ойратского лекаря Хох оточ. Тот, осмотрев воинов, дал совет военачальникам: “Излечить эту болезнь может только мясо улара”. Но Алтай был далеко, и на то, чтобы добыть улара, требовалось время. “Что же делать?” – спросили старого лекаря, и тогда тот шепнул полководцу на ухо свой совет.

Полководец выстроил всех воинов и спросил: “Есть ли среди вас тот, кто пробовал мясо улара?” Тот самый юноша вышел вперед из строя и сказал: “Я его ел”. Бедняга... И тогда, не объявляя никому, его тайно убили, а мясо отдали всем заболевшим воинам. И действительно, заболевшие воины выздоровели с невероятной быстротой, на удивление всем, и продолжили свой поход дальше.

А полководец того воина посмертно провозгласил героем, а его отца с матерью взял на пожизненное содержание своего государства. Многие воины заботились о стариках как о собственных родителях и так проводили их в последний путь. Говорят, с тех пор в народе появилось суровое неписаное правило: “Если ты ел мясо улара, ни в коем случае не говори об этом другим людям”. То место, где жил юноша с родителями, находится и поныне в сомоне Тургэн Убсунурского аймака, неподалеку от горы Дэглий Цагаан, и называется Улиртын товог (Пригорок Улара)».⁶

Как мы отмечали, в традиционной культуре тувинцев существуют суеверия, народные представления и поверья, связанные с самыми разными реалиями жизни. Кочевой образ жизни создал своеобразную систему народных знаний о животном мире, птицах, растениях, природных явлениях, небесных телах и сезонах года и т. п.

В частности, у тувинцев птицы считались даром природы и отношение к ним тоже было особенным. Будучи кочевниками, они не занимались птицеводством, и добыча птиц для питания была строго регламентированной, на них охотились либо ранней весной или поздней осенью. Птичье мясо употребляли скорее из любопытства как деликатес, т. к. птицы имели особое значение в культуре тувинцев. Существовали разные способы добычи и охоты на птиц. Говорят, прежде в Туве было несметное количество птиц и они совсем не боялись людей, поэтому их можно было камнями забить, ставили также силки, сделанные из конского хвоста, таежные люди часто применяли лук и стрелы, в более позднее время, с приходом китайских и русских торговцев, птиц стали отстреливать и ружьями (Кенин-Лопсан, 2000: 163).

Помимо рассказов об *уларе*, в традиционно-бытовой культуре тувинцев широко распространены поверья, связанные и с другими птицами. Например, про сороку говорят, что «она первая приносит известия: хорошие или плохие. Если верещит рано утром, то значит, придет гость издалека. Если днём, то в доме, возможно, кто-то останется на ночлег. Вечернее верещание означает, что ночью может что-то случиться. Считается, что сорока подсказывает, предугадывает события. Поэтому, чтобы предотвратить нежелательные последствия, окропляют ей след след молоком, приговаривая, “Хотя ты сама чёрная, язык у тебя белый! Иди туда, откуда пришла!”»⁷.

«Сороку же считают сплетницей, вестницей шаманов, и если она стрекочет возле *аала*, то люди произносят такие слова заговорные: “Если вести добрые, то приди и расскажи семь раз, а если плохие, то поскорее улетай подальше!” и вслед ей плюют, поскольку, возможно, ее специально отправил шаман с недобрыми намерениями»⁸.

Тот же информант поведал нам следующее: «В тайге есть птица, похожая на грифа. Мне один старик сказал, что эта “родственная” грифу, птица *мөмүрүг*, серая, с белой головой, огромная.

⁶ Информант: Жалхын Дэлэг, ветеран образования, народный джангарчи; место записи: сомон Наранбулаг, Увс аймак, Монголия; Международная ойратская экспедиция, посвященная 130-летию известного ученого-монголоведа А.В. Бурдукова; записали: А.С. Донгак, Б.Баярсайхан, июль 2013 г.).

⁷ Информантка Д. Сумужав; сумон Зуунбурэн, Сэлэнгэ аймак, Монголия, июль 2012, запись А.С. Донгак, Б. Баярсайхан.

⁸ Информант: Сагды Маажиевич Мангар, Эрзинский кожуун, Республика Тыва, июнь 2011 г., запись А.С. Донгак, Б. Баярсайхан.

Птица гриф стала очень редкой, можно сказать, почти исчезла. Я даже у монголов о ней расспрашивал, и они тоже подтвердили, что грифов почти не видно стало. Раньше будучи табунщиком, я часто уезжал в поисках убежавших лошадей и вблизи границы (с Монголией – А. Д., Б. Б.) мне приходилось часто встречаться и общаться с монголами. Иногда приходилось оставаться у них даже на ночлег. Тогда-то монголы рассказывали про птицу гриф, что она съедает падаль от животных, а иногда даже человечину. Птица *мөмүрүг* очень большая черная, даже крупнее, чем орел.

Ведь раньше умерших людей не хоронили в могилу, а открыто оставляли на земле. Согласно буддийской религии, от оставленного открыто на земле трупа человека, через три дня ничего не должно было оставаться даже костей. И если через три дня тело оставалось нетронутым, то ламы силой *сутры* призывали грифа. Говорили, что после прочтения *сутры* через три дня, то от трупа мертвеца действительно ничего не остается.

Птица *мөмүрүг* тоже очень сильная и опасная. Если она опустится на землю, то она смотрится, словно человек, сидящий на корточках. Она разгрызает кости на части, и даже от крупных костей ничего не остается. То ли зубы такие острые, то ли нос такой острый, кто знает...».

Из вышеупомянутых представлений и поверий тувинцев наиболее сакральным значением и таинственным ореолом окутаны представления о мясе птицы *улар*.

Оно считается как ценным продуктом, который часто используется в народной медицине для общего укрепления организма. Мясо *улара* является диетическим деликатесом с уникальными лечебными свойствами, обусловленными питанием птицы высокогорными травами. Оно богато белком, способствует укреплению иммунитета, восстановлению сил, а по старинным поверьям, употребление мяса улара защищает от инфекционных заболеваний.

Хеңмелээр или вяление – традиционный способ сохранения мяса у кочевников известен с древних времен. Резали мясо на продолговатые пластины и вывешивали в закрытом от солнца, проветриваемом тенистом месте. Через некоторое время вся влага из мяса уходила и мясо становилось сухим, похожим на сухожилие. Такой способ высушивания или вяления является очень эффективным способом сохранения и консервации мяса и до сих пор широко применяется у тувинцев и монгольских народов, которые ведут кочевой образ жизни (в настоящее время в Монголии такое мясо делают в промышленных масштабах). Эти пластины сохраняются в течение долгого времени и не портятся. Иногда высушенное таким образом мясо растирали в порошок и хранили в кожаных или тканевых мешочках и готовили самые разнообразные блюда. Например, как заправку для супа, бросив горстку порошка в кипящую воду, можно получить очень сытный и ароматный бульон.

Тувинский ученый-этнограф В. К. Даржа в своем фундаментальном труде посвятил целую главу «Традиционные методы лечения людей и домашних животных у тувинцев», где сделал подробный анализ и описание традиционных методов лечения средствами растительного и животного происхождения в народной медицине тувинцев (Даржа, 2009: 299–338).

О технологии хранения мяса кочевниками в условиях длительных походов (военных или во время длительных путешествий – А.Д., Б.Б.) с древних времен, В. К. Даржа описывает таким образом: «Активно применялось копчение, существовал способ консервации мяса, при котором одновременно использовалось как копчение, так и своеобразная сушка. Приведенные способы приготовления мяса были направлены на облегчение веса продукта путем его обезвоживания и консервации на максимально длительный период хранения. Тувинцы говорят: *Чиг эът хырынче сыңа бээр. Кургаткан, соктаан – чүрек хавыңга (сыңыйга) өй* ‘сырое мясо животного входит в его желудок (рубец) Сушеное и толченное в порошок – в перикард (сердечную сумку) или мочевого пузыря’. Воин был способен перевозить без труда обезвоженное и приготовленное по особой технологии мясо целого быка, которого ему хватало на год потребления! Технология была настолько проста, что позволяла готовить мясо в походных условиях, пополняя таким образом, запас продовольствия» (Даржа, 2009: 281).

Традиционные способы охоты, добычи улара

Улар – относительно крупная птица, она более предпочитает ходить, чем летать (вес улара, при росте около 60 см, достигает до 3 кг.). Полёт *улара* чем-то напоминает полёт напуганных куропаток, это даже не полёт, а своеобразное «планирование», но на большой скорости, с характерным шумом. По сути, является планированием со снижением, по этой причине *уларам* свойственен особый способ движения во время кормежки, они всегда стараются подниматься снизу вверх по склону горы, чтобы в случае опасности, прыгнув с камня, тут же быстро спланировать вниз или в сторону.

Улар – очень осторожная и внимательная птица, заметив опасность, начинают издавать громкие, тревожные крики для предупреждения остальных *уларов*. На крик ориентируются и другие обитатели гор – *архары*, козероги, птицы, мыши и т.д. Таким образом, *улар* в горах является одним из элементов «коллективной безопасности». Во время паствы птицы издают характерные звуки, похожие на ржание коня, тувинцы говорят, что *улар киштээр* «улар кричит» (*киштээр* – тут скорее похоже на ржание лошади – А. Д., Б. Б.).

Охота на *улара* достаточно трудна, но все же *улар*, одна из немногочисленных птиц, на которую специально охотились тувинские охотники. Причина заключается в том, что существует предубеждение, что мясо этой птицы обладает особыми целебными свойствами, сила целебных свойств такова, что человек, попробовавший его, сам становился носителем целебных свойств.

При этом в чем суть «полезности или целебности» мяса *улара* никто не может дать вразумительный ответ. Вероятнее всего, это предубеждение породили китайцы, возможно, из тибетской медицины. «На западе Тувы имеет хождение странная информация о том, что в прошлом китайцы, взяв в плен тувинских воинов, выясняли, ел ли он мясо улара, и если выяснялось, что ел, то у человека отрубали пальцы на правой руке и съедали их тут же, это якобы спасало от оспы» (Даржа, 2009: 489–490).

О сложности охоты на уларов подтверждают информанты: «Охотиться и добывать её крайне сложно. Говорят, что только самые опытные охотники могут добыть эту птицу. Застрелить ее можно только тогда, когда она поднимается вверх, взлетает на гору. С горы же эти птицы спускаются очень быстро стаями. Говорят, что только самые опытные охотники могут добыть эту птицу»⁹.

Нарративы об использовании мяса улара в военно-магической практике

Во время тувинско-монгольской комплексной экспедиции в Эрзинском кожууне Республики Тыва в 2011 г. нами записаны варианты нарративов об этой птице.

Согласно полевым материалам, существует предание, относящееся к периоду маньчжурского владычества. В рамках военно-магической практики того времени мясо *улара* использовалось не только как лечебное средство, но и как субстанция, способная повышать боевой дух воинов.

В частности, в содержании этих историй, записанных у разных информантов (в Туве и Монголии) есть такие похожие мотивы: 1) апелляция к древности (ко временам военных походов Чингис-хана или маньчжурских завоеваний территории Монголии и Тувы); 2) о сокрытии факта употребления мяса *улара*; 3) мотив человеческого жертвоприношения (если выявляли человека, который когда либо ел мясо *улара*, то его обязательно приносили в жертву для «освящения боевого знамени и оружия воинов», убивали, затем резали его тело на куски и высушивали и раздавали воинам отчего у воинов необыкновенно поднимался боевой дух и они не знали страха; 4) этой человечиной заживляли ранения воинов.

«От своего отца я слышал, что есть река Улар, возле которой обитали птицы *улар*. Но мало кто видел эту птицу. Говорят, что эта очень редкая птица и ее мясо нельзя есть, поскольку она освященная.

⁹ Информант Ооржак Очур оол Овусович, санаторий-профилакторий «Серебрянка», 2021 г. Запись А. С. Донгак

Есть такое поверье, что мужчина не должен есть мясо *улары*. Или это должен быть единственный сын родителей или одинокий человек, у которого нет родни. Говорят, во время войны в Копту¹⁰, знамя освящали человеческой кровью. Для этого множество буддийских лам начинают читать сутру, чтобы выявить того, кто ел мясо улары. Один из монгольских воинов сгорал от нетерпения, чтобы выскочить вперед, из общей толпы и прокричал: «Я ел, я ел!». Вот такова сила буддийских книг, что человек не выдерживает и выскакивает вперед. Потом этого человека хватают и три дня хорошо кормят и так делают подготовку, чтобы потом принести человеческое жертвоприношение. Через три дня его с жестокостью убивают у знамени и его кровью освящают знамя. Также я слышал, что и во времена Чингис-хана знамя освящали кровью человека, который ел мясо *улары*. Говорят, что такой человек становится святым»¹¹

В настоящее время во многих странах (Россия, Казахстан, Кыргызстан, Монголия и других) *улары* занесены в Красную книгу и охраняются государством. В частности, в Монголии, несмотря на действующий запрет на охоту на эту птицу, охотники тайно охотятся на них. И мясо *улары* можно относительно свободно купить на рынках Западной Монголии и столицы страны, т. к. до сих пор сильна вера людей в целительную силу этого мяса для лечения или продления жизни онкологических больных. Один из авторов статьи лично наблюдал, как были куплены на базаре тушки трех *уларов* для больного. Из мяса делают фарш, лепят из них пельмени или *буузы* (блюдо, похожее на среднеазиатские манты) и дают больным. И в Туве, и в Монголии говорят, что много случаев излечения онкобольных людей при помощи мяса *улары*.

Между тем, как отмечает В. К. Даржа: «мясо, жир, и желчь *улары* считались лекарством. Желчь применяли для лечения заболеваний уха у детей. Капали в ухо ребенку 2–3 капли. Расплавленным жиром *улары* смазывали обмороженные и обожженные участки тела. Мясо считали сильным тонизирующим средством, поэтому на *уларов* специально охотились только в случаях, когда хотели поднять больного и обессиленного человека. Мясо *улары* также считалось лекарством от оспы, при заболевании его употребляли в вареном виде».

Среди тувинцев существовало предание о том, что китайцы, взяв в плен тувинских воинов, спрашивали у них: болел ли он оспой и лечился ли мясом *улары*. Выяснив, что болел оспой и вылечился мясом *улары*, отрубали и съедали палец на руке.

О целебных свойствах мяса *улары* говорит китайская поговорка: «Кто видел *улары*, тому выкалывают глаза, кто слышал песню *улары*, тому отрезают уши, кто ел мясо *улары*, того можно съесть самого» (Даржа, 2009: 308–309).

Тувинцы говорят, что «если кто-либо ел мясо *улары*, то не должен никому рассказывать об этом, он должен скрывать, что когда-либо ел мясо улары, однако тому человеку очень трудно скрывать этот факт, и ему хочется обязательно поделиться с кем-либо об этом, чтобы похвастаться».

В источнике описывается следующий ритуал. Воинов выстраивали в шеренгу, после чего следовал вопрос о том, употреблял ли кто-либо из них в пищу мясо улары. Лица, дававшие утвердительный ответ и выходившие из строя, подвергались ритуальному умерщвлению. Их тела расчленялись на фрагменты для последующего распределения среди остальных солдат. Антропофагия в данном контексте рассматривалась как способ аккумуляции и передачи живительных свойств *улары*, которые, согласно архаическим верованиям, переходили в организм человека, съевшего эту птицу. Предполагалось, что употребление плоти такого человека обеспечивает воину более эффективное заживление ран в будущих сражениях.

Полученные куски человеческой плоти распределялись в зависимости от размера: крупные фрагменты приторачивали к седлу для высушивания, тогда как мелкие части подлежали сокрытию в надежном месте.

¹⁰ Ховд – город в Западной Монголии, в начале XX в. (1912 г.), когда освобождали Западную Монголию от китайско-маньчжурского ига, во время освободительной войны, это город был крепостью)

¹¹ Информант: Григорий Божаевич Ынаалай, 1955 г.р., из рода хожая, запись: А.С. Донгак, Б. Баярсайхана, место записи: с. Морен, Эрзинский кожуун; 25 июня 2011 г.

Также существовал ритуал *тук дагыыр* (освящение знамени), который направлен на поднятие боевого духа воинов во время сражения. Существовали специально предназначенные люди, которые должны убивать тех, кто употреблял мясо *улара* (это было во время завоевательных походов Чингис-хана), поскольку считалось, что мясо этого человека также становилось целебным. Рассказывают, что «во время Тарлашкынского сражения¹² в Туве красногвардейцы схватили двух солдат-белогвардейцев, и убив их, освящали свое знамя. Говорили, что солдаты всегда дрались между собой, чтобы им досталось это мясо, и если кому-то доставалось мясо, то он, таким образом, обязательно этим куском мяса свое ружье освящал (прикасались челювечиной к стволу ружья). Так рассказывал один старик, участник сражения на Тарлашкыне»¹³.

Заключение

Рассмотрев весь полученный нами из разных источников материал, отмечаем, что устные рассказы-нарративы, миф, предание, сакрализованные поверья и представления, бытующие в фольклоре тувинцев и западномонгольских народов, связанные с образом птицы *улар* во многом совпадают по сюжетно-мотивному составу. Таким образом, можно констатировать, что основой их могли послужить традиционные религиозно-мифологические представления этих народов.

Проведенное исследование образа птицы *улар* в традиционной культуре тувинцев позволяет сформулировать следующие основные выводы.

В тувинском фольклоре *улар* предстает как мифологический персонаж, наделенный яркими антропоморфными чертами. Широко распространенный этиологический миф об утрате уларом роскошного хвоста, одолженного павлину, выполняет несколько функций: объясняет внешний вид птицы (отсутствие длинного хвоста), особенности ее поведения (обитание в высокогорьях) и акустические характеристики (протяжный крик как призыв вернуть долг). Данный сюжет встраивается в общеалтайский и шире – евразийский – пласт мифологических нарративов о происхождении признаков животных и воплощает важные для традиционного сознания мотивы доверия, обмана и несправедливости, закрепленные в природном объекте как вечное напоминание о нарушенном договоре.

Улар в традиционных представлениях тувинцев занимает исключительное положение как “любимая птица духа-хозяина тайги” (*чер, тайга ээзиниң ынак кужу*). Это обуславливает сложную систему запретов и предписаний, связанных с птицей. Анализ полевых материалов выявил устойчивый комплекс табу: запрет на открытое упоминание об *уларе*, сокрытие факта охоты на него и употребления мяса. Наиболее архаичный слой представляют нарративы о суровых наказаниях за нарушение этих запретов (ослепление за видение птицы, отрезание ушей за слышание ее крика, смертная казнь за употребление мяса). Подобная жесткая регламентация указывает на то, что улар воспринимался не просто как объект охоты, а как медиатор между миром людей и миром духов, контакт с которым требовал особых ритуалов и мог быть опасен для непосвященных.

В народной медицине тувинцев мясо *улара* наделяется исключительными целебными свойствами, что объясняется особенностями питания птицы: считается, что, поедая редкие высокогорные травы, *улар* аккумулирует их биологически активные вещества, которые переходят в мясо и далее – к человеку. Спектр лечебного применения широк: от общеукрепляющего и тонизирующего действия до терапии заболеваний желудочно-кишечного тракта, онкологических патологий, оспы, а также наружного использования жира (при обморожениях, ожогах) и желчи (при ушных болезнях). Технология заготовки мяса (вяление, высушивание с последующим растиранием в порошок) была адаптирована к кочевому образу жизни и позволяла создавать

¹² 23 мая 1921 г. в местечке Тарлашкын Эрзинского кожууна произошло сражение между отрядом партизан под командованием Сергея Кочетова и отрядом белогвардейцев численностью более 500 человек под командованием прапорщика Поползухина, помощника атамана Казанцева.

¹³ Информант: Майдар Монге Маа-Хооевич, с. Нарын, Эрзинский кожуун, 20.06. 2011, запись: А. С. Донгак, Б. Баярсайхана

стратегические запасы легкого и питательного концентрата, пригодного для длительного хранения в военных походах и дальних перекочевках.

Наиболее сложный и архаичный пласт представляют нарративы, связывающие образ *улара* с ритуальными практиками, апеллирующими к эпохе Чингис-хана и маньчжурского владычества. Согласно этим преданиям, человек, употреблявший мясо *улара*, сам становился носителем его целебных и «боевых» свойств. Это порождало практики ритуального умерщвления таких людей для освящения воинских знамен (*тук дагыр*) и оружия, а также антропофагии, при которой фрагменты тела человека, съевшего *улара*, распределялись между воинами для повышения боевого духа и защиты от ран. Данные представления основаны на магическом принципе партиципации (сопричастия): свойства объекта (птицы) передаются через пищевую цепочку человеку, а затем через ритуальное убийство и поедание – всему войску. Степень достоверности этих нарративов требует дальнейшего кросс-культурного анализа, однако сам факт их устойчивого бытования в устной традиции показателен для понимания архаических пластов мировоззрения.

Сравнительный анализ материалов, собранных в Республике Тыва и западномонгольских народов, демонстрирует единство сюжетики, мотивов и семантических доминант, что позволяет говорить об общем культурном субстрате. В то же время фиксируются локальные вариации, обусловленные особенностями природной среды и степенью сохранности традиций. Современное состояние традиции характеризуется двойственным положением: с одной стороны, официальный запрет на охоту (*улар* занесен в Красные книги России и Монголии) и секуляризация сознания ведут к угасанию сакральных представлений; с другой стороны, устойчивая вера в целебные свойства мяса поддерживает нелегальный промысел и спрос на рынках Западной Монголии, что подтверждается полевыми наблюдениями авторов.

Таким образом, образ птицы *улар* в традиционной культуре тувинцев предстает как сложный, многоуровневый семиотический комплекс, в котором переплетаются рациональное знание охотника-кочевника, мифопоэтическое мышление, сакральные представления и эмпирический врачебный опыт. Введение в научный оборот новых полевых материалов не только восполняет существующую лакуну в этноорнитологии Саяно-Алтая, но и открывает перспективы для дальнейшего изучения механизмов формирования культурных кодов традиционных обществ Центральной Азии.

Литература

1. Бромлей, 1976 – Бромлей Ю.В., Воронов А.А. Народная медицина как предмет этнографических исследований. *Советская этнография*. 1976, (5), С. 3–18.
2. Даржа, 2009 – Даржа В.К. *Традиционные мужские занятия тувинцев. Том I. Хозяйство. Охот. Рыбалка*. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2009. 589 с.
3. Кенин-Лопсан, 2000 – Кенин-Лопсан М.Б. *Тыва чаңчыл. Ийиги кезээ. Тыва чоннуң ыдыктыг чаңчылдары. Тыва чаңчылдар башкыларынга дузалакчы дептер*. Кызыл: Новости Тувы, 2000. 351 с. (на тувинском яз.)
4. Базаров, 2025 – Базаров Б.В. (ред.) *Атлас тибетской медицины: иллюстрации к трактату «Вайдурья-онбо» (XVII в.)*. М.: Наука – Вост. лит., 2025. 535 с.
5. Арапчор, 1995 – Арапчор А.Д. (ред.) *Тыва улустуң мифтери болгаи тоолчургу чугаалары: (Мифы и легенды тувинцев)*. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1995. 139 с. (на тувинском яз.)
6. Зориг, 1989 – Зориг Г. *Алтайн хойлог: Экологи, биологи, биохими, сувиллын зарим онцлог, шинж чанарын судалгаа*. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1989. 259 с. (на монгольском яз.)
7. Баранов, 1991 – Баранов А.А. *Редкие малоизученные птицы Тувы*. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та. 1991. 320 с.
8. Бартан, 2004 – Бартан О.О. *Тыва дылда эмнелге сөзүлүгү (Словарь тувинских медицинских терминов)*. Кызыл: Рес. Типография, 2004. 64 с. (на тувинском яз.)

References

1. Bromley, 1976 – Bromley YuV., Voronov AA. Traditional medicine as a subject of ethnographic research. *Sovetskaya etnografiya*. 1976; 5, pp. 3–18. (in Russian).
2. Darzha, 2009 – Darzha VK. *Traditional activity of Tuvinians. Vol. 1. Farming Hunting, Fishing*. Kyzyl: Tuvan Publ.; 2009. 589 p. (in Russian).
3. Kenin-Lopsan, 2000 – Kenin-Lopsan MB. *Tuvan traditions. Part Two. Sacred customs of the Tuvan people. A Methodological handbook for teachers of traditional culture*. Kyzyl: Publ. Novosti Tuvy; 2000. 351 p. (in Tuvan).
4. Bazarov, 2025 – Bazarov BV. (ed.) *Atlas of Tibetan medicine: illustrations to the treatise “Vaidurya-onbo” (17th century)*. Moscow: Nauka Publ.; 2025. 535 p. (in Russian).
5. Arapchor, 1995 – Arapchor AD (ed.) *Legends and myths of Tuvans*. Kyzyl: Tuvan Publ.; 1995. 139 p. (in Tuvan).
6. Zorig, 1989 – Zorig G. *Altai Hoilog: A study of some features and characteristics of ecology, biology, biochemistry, and care*. Ulaanbaatar: Publ. State Publishing House; 1989. 259 p. (in Mongolian).
7. Baranov, 1991 – Baranov AA. *Rare little-studied birds of Tuva*. Krasnoyarsk university Publ. House; 1991. 320 p. (in Russian).
8. Bartan, 2004 – Bartan OO. *Dictionary of Tuvan medical terms*. Kyzyl: Publ. Res. Tipografiya; 2004. 64 p. (in Tuvan).

Сведения об авторах

Донгак Антонина Саар-ооловна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора фольклора, ГБНИиОУ «Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва», ORCID: 0000-0002-7717-1786, e-mail: antdon@mail.ru

Бадарч Байрсайхан, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора словарей, ГБНИиОУ «Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва», ORCID: 0000-0003-3962-1042, e-mail: bayiraa@mail.ru

About the authors

Antonina S. Dongak, Cand. Sci. (Philology), Leading Researcher of the folklore sector, Tuvan Institute for Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, ORCID 0000-0002-7717-1786, e-mail: antdon@mail.ru

Bayarsaikhan Badarch, Cand. Sci. (Philology), Leading Researcher of the Dictionary Sector, Tuvan Institute for Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, ORCID: 0000-0003-3962-1042; e-mail: bayiraa@mail.ru

Конфликт интересов / Conflict of interests

Авторам неизвестно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью.

The author is not aware of any other potential conflict of interest relating to this article.

Вклад авторов / Authors' contribution

Донгак А.С. – разработка концепции исследования, методология, проведение исследования, создание черновика рукописи, редактирование рукописи, руководство исследованием, получение финансирования

Байрсайхан Б. – разработка концепции исследования, методология, проведение исследования, редактирование рукописи

Antonina S. Dongak – conceptualization, methodology, investigation, writing – original draft, writing – review & editing, supervision, funding acquisition

Bayarsaikhan Badarch – conceptualization, methodology, investigation, writing – review & editing

Поступила в редакцию / Submitted 13.03.2026

Поступила после рецензирования / Revised 14.04.2026

Принята к публикации / Accepted 15.05.2026